

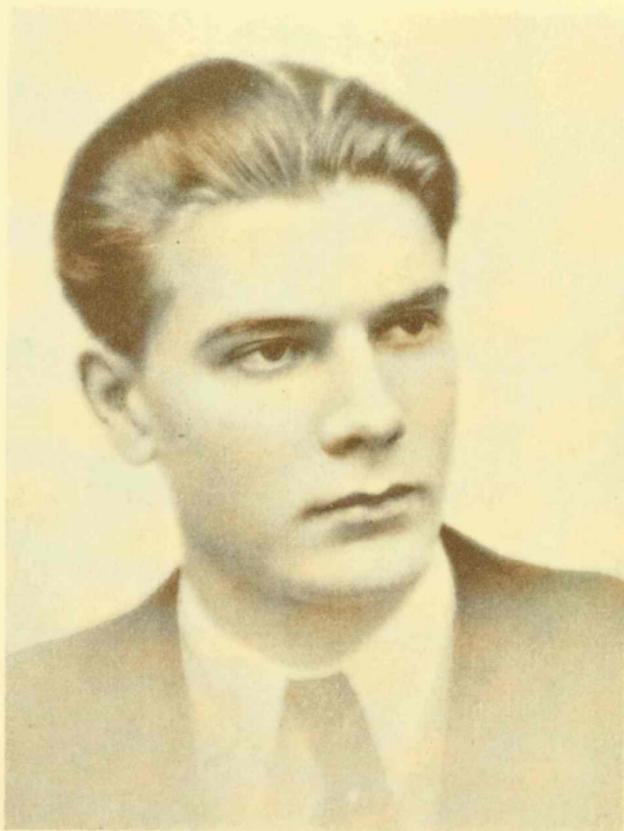
АЛЕКСИСЪ РАННИТЪ

Ъ ОКОННОМЪ ПЕРЕПЛЕТЪ

Переводы съ эстонскаго
ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА

ВЪ ОКОННОМЪ
ПЕРЕПЛЕТЪ

Alexis Rannit

АЛЕКСИСЪ РАННИТЪ

**ВЪ ОКОННОМЪ
ПЕРЕПЛЕТЪ**

Переводы съ эстонскаго
ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА

Издательство Академическаго Союза
Объединенныхъ Искусствъ

Tallinn
1938

Иниціальъ къ предисловію,
заставка и концовка работы художницы

Каринъ Лутсъ

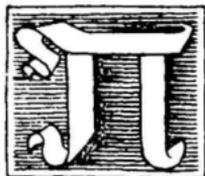
Иллюстрація на обложкѣ къ стиху
„Видѣнье“ работы художника Пауля
Лійвака.

24 2

24 2 7

145 28 480

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая русскому читателю книга эстонскаго поэта Алексиса Раннита, вышла въ свѣтъ въ оригиналь въ 1937 году, и какъ всякое недоцѣненное произведеніе искусства, была критикой, писателями и читающей, — вѣрнѣе: дочитывающей публикой встрѣчена двояко: безудержной руганью и восторженной хвалой. Одно это уже указываетъ на жизнь автора: о мертворождаемомъ обыкновенно молчатъ. Нападая на ассонансы Раннита, на отдаленность его темъ, никто изъ критиковъ, однако, не отказывалъ въ признаніи его таланта. Многие хвалили его за искренность, за душевность, за музыкальность, за свѣжестъ и яркость поэтическихъ образовъ. Критикъ Э. Тиллеманъ въ первоклассномъ литературномъ журналѣ „Varasti“, напр., такъ отзывался о поэтѣ: „Тонъ стиховъ Раннита меланхоличенъ, въ нихъ вѣетъ мѣстами печалью широкихъ и мягкихъ славянскихъ степей. Въ Раннитѣ чувствуется опредѣленно бѣженіе истинной жилы лирики. Въ немъ кроются зачатки истиннаго лирическаго искусства“. Извѣстный эстонскій поэтъ Гендрикъ Адамсонъ въ газетѣ „Päevaleht“ такъ отзывался о Раннитѣ: „Та-

кой необыкновенной гармоніи формы и со-
держанія и сочетанія обоихъ можно рѣд-
ко достигнуть, и онѣ рождаются у поэта
естественно, безъ особаго напряженія. Здѣсь
чувствуется сразу, что это не дѣланная, по-
тому созданная поэзія, а что ея источники
покоятся въ тайныхъ глубинахъ души, черная
откуда никогда не надо опасаться засухи*.

О стихахъ Раннита хорошо отзывались так-
же въ письмахъ къ нему Н. К. Рерихъ, Д. С. Ме-
режковскій и К. Д. Бальмонтъ.

Его стихи положены на музыку Г. Фейшине-
ромъ, переведены на эсперанто и литовскій языкъ,
при чемъ отрадно отмѣтить, что, вообще, Лит-
ва тепло и чутко относится къ эстонскому
поэту, тѣмъ болѣе, что въ его стихахъ часты
литовскіе мотивы.

Раннитъ любитъ одновременно Эстонию,
Литву и Россію. Его творчество глубинное,
омраченное и яркообразное.

Въ послѣднихъ — новыхъ стихахъ его поя-
вился новый элементъ — ироническій, что въ
наше время является нужнымъ и неизбѣж-
нымъ.

Я со своей стороны привѣтствую его книгу,
переведенную мною на русскій языкъ съ насла-
жденіемъ и, какъ мнѣ думается, близко къ по-
длиннику.

Игорь-Глебовичи

1938 г. Saarküla, на рѣкѣ Россони.

Безсмертному Свѣту
Души Поэта и Человѣка
Людаса Гиры
и моимъ литовскимъ друзьямъ
посвящаю эту книгу.

*Глядѣть въ окно, всегда одно,
мнѣ смыслъ и путь мой не забава,
Въ немъ словно высь воды и дно,
и вѣчно творческая слава.
Бальмонтъ . «Людасу Гирь».*

*Кто смотритъ снаружи въ растворенное окно,
никогда не увидитъ того, что видитъ тотъ, кто
смотритъ въ закрытое.*

Бодлэръ . «Окна».

Безъ заглавія.

Я рождень для того, чтобъ на ненависть
обрекать все, во мнѣ же сокрытое.
Жизнь моя есть борьба съ плоти плѣнами,
что жестокимъ crescendo убита.

Я рождень для того, чтобъ телѣгою
мысль катилась съ полей осенѣющихъ.
Ненавижу чувствъ сахарность нѣкую,
презирать откровенность несмѣющей.

Я рождень для того, чтобы пѣсни всѣ
были въ глубь могилъ перекопаны,
и чтобъ досками тучь сѣрыхъ въ плѣсени
было небо мое заколочено.

I

Юхану Лйву.

Кто-то въ сапогахъ прошелъ тяжелыхъ,
истоптавъ благую мысль одну.
Выпаль чернѣй снѣгъ въ разгарѣ лѣта.
Безъ войны пошелъ ты на войну.

Кто-то въ руки взялъ огромный молотъ
и ударилъ въ зеркало души.
Сталь ея распреснута, и хрупко
преломлялась жизнь въ ея тиши.

Кто-то остро-жуткія взявъ въ руки
ножницы, разрѣзалъ жизни нить.
«Я тебѣ Отець и Братъ», печально
молвилъ: «и тебѣ съ печалью быть.»

СѢть воспоминаній.

Основа всѣхъ дней заржавѣла.
Рождается день ото дня.
И вспомнить мнѣ вдругъ захотѣлось
ушедшее въ даль отъ меня.

Отца моего — вся сѣдая,
какъ крыша избы, борода.
И озера рябь вѣтровая
листомъ синимъ смятымъ до льда.

Сны синіе смотрять изъ оконъ,
какъ ночь воскресенья свята!
Отецъ при лучинѣ глубоко
читаль о распятіи Христа.

СѢть памяти пусть развернется
по тропкамъ забытымъ, — тогда
мать горбится вновь надъ колодцемъ
былинкой, что въ горѣ горда.

Какъ глиняный полъ въ закопченьи,
рабочія руки родной.
Надъ выгономъ, въ тучь окольченьи,
березъ опечаленныхъ строй.

И помню нѣжнѣйшіе миги —
покойницей ставшая мать.
Песъ цѣпь рвалъ, какъ узникъ вериги.
Садъ плакалъ. Песъ сталъ завывать.

Безрадостной, пасмурной вѣры
полнъ каждый мучительный мигъ.
Потухли огни въ церкви сѣрой,
и въ черной тиши я поникъ.

Изъ темнаго звона лопаты,
изъ лязга ея выросъ холмъ.
А плечи-то пробомъ примяты,
душа, — какъ тетрадь скорби волнъ.

Сливались изъ мѣсяцевъ годы,
(сквозь пальцы такъ летится песокъ)!
Надъ мертвой зеленые своды,
летъ града и вихри, и Богъ.

А я, позабылъ я могилу,
и замысловатый къ ней путь.
Исканья судьба мнѣ вручила,
въ исканіяхъ дней моихъ суть.

Твоя смерть.

Снѣговъ чуть зеленѣя тѣни
съльзъ въ пламени мѣдномъ восходѣ.
Не свыкнушь я съ мыслью о тлѣнѣ,
что смерть твой покой стережетъ.

Въ глазахъ твоихъ святость монгола,
въ рѣсницахъ ихъ каменна скорбь.
Зоветь въ тебѣ Пейпусъ и полый
травъ стебель, травъ водныхъ узоръ.

Волось твоихъ темная бронза
мнѣ все-же дороже всего.
О, чувства, лишеныя солнца,
въ васъ жуть, похоронный въ васъ ходъ.

Снѣгъ мрамора — вотъ твои руки
кончавшейся, долго больной.
Безъ отсвѣта вѣчность. И въ мукѣ
ты чувствуешь это душой.

Сегодня на родинѣ новой
твоей — вишни въпламя зацвѣли.
Въ глазахъ твоихъ гробъ, гробъ сосновый
и ночь, но ужъ ночь не земли.

Въ тебѣ вешній воздухъ и осень.
Смерть съ жизнью въ строкахъ о тебѣ.
Сегодня Христосъ гробъ свой бросилъ,
но ты... ты жилица небесъ.

Я съ сердца рояля рву ноты,
чтобъ жуткѣй хораль кануль вдаль.
Твой взглядъ, полный смертной заботы,
мнѣ бросилъ, какъ стонъ, *carte postale*.

...Есть синія въ небѣ лагуны
И тучи, какъ змѣи въ уздахъ.
Не вѣрю... я плачу не юно
съ лицомъ схороненномъ въ скорбяхъ.

Цвѣтушую землю весною
покроетъ весь желтый зорь медъ.
Ничто твое имя не смоетъ,
въ дали хоть оно и замретъ.

Найти-бъ тебя тропкой печали,
преградою стѣны пробницъ.
Святыми глаза твои стали,
и каменна скорбность рѣсницъ.

II

Поэтъ.

Влажной грустностью неба осенняго
затушеваны лики осинъ.
И слова мои, тѣ, что ю тлѣнии,
кротко руки стремятъ въ твою синь.

На мансарду твою вверхъ скрипучая
круто лѣстница вводитъ меня.
Дверь открывши желанью кипучему,
на столѣ вижу воду лишь я.

Грязь отъ снѣга бѣла вешнегодня,
но тебѣ принести ее — боль!
Хлѣба дать не могу и сегодня я.
Дровъ достать бы... попробуй, изволь!

Виноградъ на обояхъ сырѣющихъ...
на обояхъ лишь, — въ жизни другимъ!
Тѣло голодно, духъ въ пламенѣющемъ,
и слова съ махомъ крыльевъ тугимъ.

Отъ Христа твоихъ съ юности поисковъ
въ даръ тебѣ только прязи слѣды.
И душа, что крылила геройски,
смята въ прахъ каблучками нужды.

Какъ въ молочномъ стаканѣ невымытомъ,
ночью горбится города ростъ.
Вѣрю свято: послѣдній, отринутый
путь твой лаской привѣтитъ Христось.

Глаза и душа.

Подъ тяжкой рѣсницъ смолою —
стекло поскучившихъ глазъ.
День въ потъ дождя. Гнилою
стала крышка души у насъ.

Живить пустырь глазъ усмѣшка,
но душа не оживлена.
И тина не можетъ мѣшкать
ее всасывая до дна.

Глаза вѣдь души не имѣютъ.
Не зрячи глаза души.
Шаги жизни ходятъ все злѣе,
въ глазахъ ея вывѣска лжи.

Осенній путь.

Ярко-сѣры у осени крылья
и безумствующие глаза!
Всѣ березы безлисто раскрылись,
въ небѣ лица свои разбросавъ.

Бѣлый мѣсяць въ молочномъ туманѣ.
Путь его: свѣтлый кругъ вкругъ рѣки.
Звонъ пустой листьевъ мокрыхъ елани
вѣтра духъ расширяеть зрачки.

Набросали на черную рѣку
фонари сонмы тлѣющихъ змѣй.
Встрѣчно истинѣ и человѣку
лира выкована изъ скорбей.

Къ небу руки березъ воспарились, —
похудѣвшій ликъ съ небомъ связавъ.
О, какъ сѣры у осени крылья
и безумствующие глаза!

Безымянный двойникъ.

Генриху Фейшнеру.

Сердца нашего лучъ пылаеть.
Онъ и свѣтель и святъ и ярокъ.
Дно души черно отъ нагара,
ей постелью солома гнилая.

Насъ, конечно, никто не хочетъ,
въ кровь и лохмы изорваны души.
Губы жестки и жажды суше:
путь лобзаль твоей скорбной ночи.

Насмерть ночь на нашъ свѣтъ наступила,
ночь, цвѣтетъ что, какъ пепельный ирисъ.
Чтобы муки въ насъ не убило,
мы восторгомъ вѣтрила крѣпили.

Изъ души состоя единой,
мы не знали почти другъ друга.
Птицы черныя дней, — какъ вьюга, —
во враждѣ между нами льдиной.

Мы другъ въ другѣ сойдемся снова
на туманныхъ камняхъ погоста.
Безымянный двойникъ я просто
твой, сестра моя — въ ризахъ Слово!

Исповѣдь.

Н. К. Рериху.

Во мнѣ заложены востокъ и западъ,
весь блескъ Москвы и Эстїи смягченность.
Во мнѣ исканїя разгоряченность
на черни свѣта—жизни яркїй крапатъ.

Въ душѣ: распахнутыя окна Волги,
народъ—монахъ святой и Стенька Разинъ.
Но я съ заливомъ Финскимъ крѣпко
связанъ,
его плитнякъ люблю любовью долгой.

Во мнѣ поетъ звонъ русскихъ колоколенъ,
во мнѣ эстонскихъ роцъ священныхъ
шумы.
И странамъ двумъ всѣ помыслы, всѣ
думы —
я — братъ народовъ двухъ въ ихъ разной
долѣ.

Шагъ безъ сомнѣнья, шагъ безъ колебанья,
граниты подъ ногою—розово-червленны.
И поль-души изъ Финскихъ волнъ зеле-
ныхъ,
и поль — изъ оконъ Волги въ осіяньи.

Видѣнье.

Возникъ онъ изъ далей Востока.
Плащъ пыльный наброшенъ на немъ.
И съ дѣтства я мыслить: что могъ онъ
на сѣверѣ жаждать моему.

Во взглядахъ — стыда ликованье,
Въ глазахъ — тучь кипучихъ потокъ.
Въ его бородѣ сѣянье, —
какъ тронутый солнцемъ песокъ.

И брови — какъ ворона крылья,
а домомъ — вѣтры на песокъ.
Въ немъ что-то изъ Юхана Лѣйва,
и посохъ пророка въ рукѣ.

Онъ взвѣтривалъ черное знамя,
отъ ногъ его вспыхивалъ слѣдъ.
И небо, стекля на насъ,
въ мою колыбель лило свѣтъ.

Принесъ онъ мнѣ смерти зовъ черный,
звонъ черный полуденныхъ странъ.
И словъ смыслъ небесно-узорный
сталъ пламенемъ тучь осѣянь.

Даль заревомъ свѣта залита,
мечъ звѣздный похожъ былъ на крестъ.
Цвѣлъ въ радости, скорбью покрытой,
забытаго отсвѣтъ окрестъ.

...Я съ дѣтства все думалъ, что могъ онъ
на свѣрѣ жаждасть моемъ?
Лишь помню возникъ онъ съ Востока,
былъ плащъ запыленный на немъ.

Завѣсы черного вѣтра.

Завѣсы черного вѣтра
передь окошками грустны.
Темнаго маркизета
сшита туника чувства.

Длительно—длинные ночи,
дни безконечные въ кипѣ.
Грусть изъ колодца урочій
выкачать требуетъ Шкиперъ.

Въ скрипѣ костявья мачты
на кораблѣ безъ вѣтрила.
Шей тяжелыя мрачно
волны вздымають уныло.

Дождь, служающій мраку,
глухо бормочетъ молитвы.
Свѣта не жаждутъ, однако,
Рыцари Чернаго Лица.

Вѣкъ не дано жаждать свѣта
рту, что въ улыбка печали.
Завѣсы черного вѣтра
вяжутъ ремнями изъ стали.

III

За то, что дугъ твой твердь, какъ камень,
знакомый съ искрой голубой, —
Тобѣ, Литва, мой вспѣвный пламень
въ разлукѣ мы, но я съ тобой!

Б а л ь м о н т ь.

«Л ь с н о й Ц а р е в н ь — Л и т в ь».

Да. Ты — родная Галилея
мнѣ — невоскресшему Христу.

Б л о к ь.

Пѣснь Литвѣ.

Твой ликъ, исполненный страданій,
я зрять и день и ночь готовъ.
Въ немъ—въ символахъ титанъ Чурлянись
и руки тайныя крестовъ.

Рожденное изъ устъ Мученья,
двухсложье скромное: Литва!
Въ моей душѣ отображенье
Твоей, — что властна и жива.

Ты знала гнеть чужого ига, —
слѣды остались жгучихъ ранъ.
Душа снить сны — святая книга! —
когда въ ней текъ свободный Гангъ.

О, сердце гнѣвное сумѣло
дать ратный рыцарю отпоръ.
Ольгердъ вель и Кейстутъ вель смѣло
ратъ на дерзнувшаго въ упоръ.

Въ водоворотѣ войны и мира
сверкаль твой златоглазый духъ.
Мицкевичъ съ Бальмонтомъ въ двѣ лиры
тебѣ поють... и я не глухъ...

Когда языкъ твой ярко-звонный
попалъ подъ вражескiй запретъ.
Плѣнился Нѣманъ скорбно-стонный,
но мысль съ душой... имъ плѣна нѣтъ!

Отецъ мой, Братъ единокровный,—
край золотого янтаря,
чу, истины шагъ слышенъ ровный,
въ которой глазъ твоихъ заря!

Она взнесетъ къ тебѣ длань храбро
и проволоку ту, что духъ
терзала годы неослабно,
порветъ благимъ усиьемъ рукъ!

Людасу Гирѣ.

1.

Нить твоей жизни — огнепряжа
и сердце — вылитая сталь.
Безъ ржавчины перо на стражѣ,
кровавыхъ ранъ въ душѣ эмаль.

Подобны чувства акварели,
ихъ идеаль — гуманный трудъ.
Ты схоронилъ ночныя мрели,
ихъ залы кладбищъ стерегутъ.

Ты отыскалъ въ огнистомъ морѣ
ко Дню Сверкающему дверь.
Кто ищетъ ключъ, тому ты вторишь,
и сердце счастливо теперь.

2.

Вновь сквозь желтые дымы березы
вижу это лицо въ бородѣ.
Я бродилъ годы осенью поздней,
эта осень со мною вездѣ.

Сыро́сти паруса — это тучи.
Темный свѣтъ тѣни зыбкія ткеть.
Ликъ твой горе не можетъ измучить,
доброту его солнцемъ зальеть.

Всѣ дома — въ сумерекъ штукатуркѣ,
изъ холодной, изъ мглисто-сырой.
Что душѣ до опасности юркой?—
Отъ возжей твоихъ словъ въ ней покой.

Осень чешетъ багряныя косы,
вѣтеръ путаетъ ихъ впопыхахъ.
Ротъ твой, въ дружбѣ изломанный косо,
мнѣ опорой во мглѣ и впотьмахъ.

Кнутъ дождей злобно хлещетъ намъ въ
лица,
и во всхлипѣ туманномъ луна.
О, геройской Литвы ты патрицій,
и тебѣ цѣпь привѣтовъ звучна.

Литовская пѣсня.

Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!

Лермонтовъ,

Къ ступенямъ ночной небесной лѣстницы
острый серпъ *) прибить луны.
Что полей, березъ Литвы прелестнѣе?
Пѣсни воспламенены.

Въ нихъ все то, что было мною утеряно,
завѣсь прошлаго сломавъ.
Въ желтыхъ звонахъ радость неизмѣренной
силы — сна осеннихъ травъ.

Сердцемъ смято въ жалкій комъ вчерашнее,
новью опечаленъ духъ.
Подъ луной пытается чувство страшное:
рокъ Литвы, что мрачно-глухъ.

*) Въ оригиналѣ: «подкова», что значительно свѣжѣе, но, къ сожалѣнiю, не выполнимо изъ-за размѣра. Прим. переводч.

Жизнь вспоила, какъ волчица Ромула —
лишь смятеньями меня.

И порывы стихли, столь знакомые,
на обыденное нѣтъ огня.

Да, на желтое паркета озеро
джаза вихрь не понесетъ! —
Въ пѣсенный костеръ литовскій бросилась
ты, душа, забывъ про все.

Онъ зоветъ, костеръ. Ты, приготовленный,
радостью дыши до дна.

Для любви границъ нѣтъ проинаровленныхъ
— вѣдь, она, какъ смерть, сильна!

Одною литвинкѣ.

Бѣлый иней — рѣсницы твои.
Утро снѣжныя очи раскрыло.
Тучи снѣгъ растеряли уныло
и, влекомыя югомъ, ушли.

И въ глазахъ твоихъ бѣлая грусть,
и на шапкахъ сосновыхъ снѣгъ боли.
Зовъ отчизны вѣды сердце оволилъ,—
пусть мертвы чувства прочія, пусть!

Птицы мыслей — гдѣ эпосъ лѣсовъ,
Гдѣ къ небеснымъ прижался лагунамъ
берегъ моря въ раздольнѣйшихъ дюнахъ,
птицы мыслей несутся на зовъ.

Гордость — Витовтъ Великій — души,
и о немъ повѣствуетъ намъ Нѣманъ.
Трауръ Вильны... Твой ротъ горекъ нѣмо...
Давить прошлое чувства твои.

Гира, Бинкисъ, Вайчюнасъ — твой міръ,
полотномъ прозвенѣвшій Чурлянисъ.
Какъ на раму свѣтило льетъ глянецъ,
такъ душа твоя мнѣ свѣтъ и миръ.

Ахъ, печали твои и во мнѣ,
но изъ тусклой слова мои стали.
Чуждъ тебѣ историческiй Таллиннъ,
точно склепъ онъ въ своей тишинѣ.

Слышишь истины колокола? —
снѣжный звонъ насъ сплетаетъ обоихъ.
Этотъ звонъ захватилъ насъ съ тобою
на дорогахъ, гдѣ грязь залегла.

Грусть и радость свои бросивъ ницъ
мы идемъ въ своихъ поискахъ нѣжно.
Утра очи смѣются намъ снѣжно
бѣлымъ, — въ инеѣ — гребнемъ рѣсницъ.

Душу мою, о Литва, къ тебѣ вѣтры уно-
сятъ.
Ты подъ крестомъ и огнемъ цѣпенѣшь
въ вопросѣ.
Зной псковъ и дыханье холоднаго моря—
все въ тебѣ, все! И Христось тебѣ ласко-
во вторить.
Отображаютъ Иисуса глаза всеблагія
Неринги косы песчанья и золотья.

IV

De apoge

Души черно-зеленыхъ деревьевъ
ужь смеркаются вечеромъ влажнымъ.
Почему отъ сомнѣній мнѣ страшно,
и въ себѣ за тебя не увѣренъ.

И дождя длинно-острыя иглы
лучезарятся въ парковой дымкѣ.
Осень мысли желтитъ въ перевозимкѣ,
точно локопъ твой желтый и гиблый!

Колокольнаго яблоки звона,
румянѣвшія, къ вечеру тусклы.
Чувства мчатся, какъ тучи въ нагрузкѣ,
съ юга радости къ сѣверу стона.

Сосень темнокоричневы свѣчи,
заострила насмѣшка ихъ тѣни.
Слышу въ ихъ безсловесности пени:
«почему продать «ego» отмѣченъ?»

Разрѣзаетъ луны ножъ изломный,
серпантины березовыхъ сучьевъ.
Стало имя: Регина гор^ючей
мнѣ темницею сердца огромной.

Зеркаламъ глазъ.

Глазъ зеркала отвѣтите
«да» или «нѣтъ» скорѣй.
Ужъ не свободенъ вѣдь я
больше душой своей.

Падаетъ сердце въ землю,
листвевъ кровава мѣдь.
Плѣну мученій внемлю —
ликъ твой мнѣ сторожъ, вѣдь.

Тухнуть заката тѣни,
точно лиловый сплинъ.
Злобно въ садахъ осеннихъ
ежится георпинъ.

Ужъ не свободенъ вѣдь я,
край полоненъ души.
Глазъ зеркала отвѣтите
«да» или «нѣтъ» безъ лжи!

Твои слова.

Волны на берегъ бросили осень,
обожгла она докрасна травы.
Тяжесть словъ моихъ скрыта въ вопросѣ:
«Чтобы понять ее, развѣ есть право?»

Мнѣ на грудь положилъ руку вечеръ,
сухогубый въ печали по лѣту.
Жизнь моя съ твоей связана вѣчно,
но поэзія горькая — нѣтъ ужъ!

Усмѣхнулась тишь влажная жутко.
Вѣтра носятъ сѣрыя космы.
И въ глазахъ блескъ усталый разсудка;
въ жалкихъ тряпкахъ душа стала косной.

«Въ моемъ сердце глубокаго чувства
нѣтъ къ тебѣ», — ты сказала безпечно.
Сердцу сумеречно, сердцу грустно,
красотѣ лишь поющему вѣчно.

Рабски руки лобзаль твои вечерь,
всѣ пути у меня отобравшій.
Вспоминаю, душой искалѣченъ,
это все, что прошло отсверкавши.

Въ бѣлыхъ пламенахъ холода въ вѣткахъ
ждеть зима, ничего не мѣняя.
Словъ твоихъ не увянуль цвѣтъ ѣдкій
и не выцвѣлъ, въ дняхъ новыхъ сверкая.

Ты и я.

1.

За тобою и мною съ насмѣшкой
наблюдаютъ глаза фонарей.
Съ тоской расстаемся поспѣшно,
глазь — чернила осеннихъ ночей.

Изъ кармина лисичьяго губокъ
отчужденная смотритъ душа,
убаюканный пошлостью грубой,
городъ дремлетъ, тревожно дрожа.

Надъ кино обнагльвшія буквы
льдяно вспыхиваютъ: «Гарри Пиль».
Ухожу отъ тебя съ крикомъ муки,
весь разорванный отъ сексапиль.

И лицо свое прячу я въ маску,
хохоча, какъ больной арлекинъ.
Не понявъ меня, смотрять съ опаской
фонари и души твоей сплинь.

2.

На тротуарахъ спитъ электроблескъ,
блескъ ночью растворяемый осенней.
Огни рекламъ и глазъ твоихъ цвѣтенье
цвѣта смѣшали: мертвый цвѣта плескъ.

Я отъ тебя спокойно ухожу: —
искать тепла у уличнаго камня.
Расплавлю-ль страсть въ свинецъ ночной?
куда мнѣ.

Я жажду то, чего не нахожу.

О, знаетъ Свѣтоносецъ: пѣснь моя —
стрѣла Его натянутаго лука.
Его руками скована разлука
для чувствъ моихъ, Имъ созданныхъ,
какъ я.

Я вздрогнулъ: смотря зорко — стекла
сквозь,—

рѣсницы астръ коричнево-багряны.
Какъ на туфляхъ твоихъ, на душу рьяно
грязь брызнула, и покатила съ костью.

И, звякнувъ мрачно, показала: «два»,—
съ твоею радостью печаль моя въ вѣнчаньи.
И цвѣта торфа — первой одѣянью,
вторая — безъ одежды и лица.

Въ оконномъ переплетѣ.

Въ переплетѣ оконномъ небо
картой атласа стала вдругъ.
Меня снова влечетъ и требуетъ
пара узкихъ и смѣлыхъ рукъ.

Мои пѣсни — бродяги барды
(о тебѣ онѣ — не для тебя!).
Для тебя и кафэ и парки,
футболисты — мечта твоя.

Блескъ умершей зари на рамѣ,
сучья елей торчатъ пилой.
И души твоей запертъ замокъ,
раньше отпертый предо мной.

Лишь лиловое дрогнетъ пламя
сквозь мертвящій туманъ рѣсницъ.
Звуки выгорѣли цвѣтами,
и теперь въ нихъ, огонь, плесни!

Какъ подсвѣчники сосенъ лики,
свѣчи новыхъ ростковъ на нихъ.
Ахъ, не слили въ одинъ мы лики,
мы, чьи души въ тонахъ однихъ!

Въ кафэ.

Стѣны ложно-японскаго стила,
красокъ черно-златистый хаосъ.
Наклонился январь, обезсиленъ
отъ дождливыхъ одеждъ, нагъ и босъ.

Много кружевъ табачнаго дыма
мною развѣшано подъ потолкомъ.
Ликовъ женщинъ мѣлъ розовъ отъ грима.
Я люблюсь тобою тайкомъ.

Я читаю въ лицѣ твоємъ дѣтскомъ, —
что отъ краски свѣжѣе, чѣмъ тортъ,
что дороже молитвы поэтской
для тебя кофэ поданный сортъ!

Какъ чужды тебѣ Данте и Рубенсъ!
Умерь, — думаешь ты, — Виснапу.^х
Говоришь мнѣ о пудрѣ, о тубѣ, —
и мечтѣ моей прерванъ путь.

^х Виснапу — Visparini — известный
эстонский поэт.

Все же линіей плечъ наслаждаюсь,
но ужъ мыслей удѣлъ моихъ—боль.
Карандашикомъ тонкимъ касаюсь —
весь мой путь неземной тутъ, изволь...

Все-жъ прекраснаго поиски вѣчны,
пусть безрадостно здѣсь и сѣро,
пусть обиденъ твой взоръ, и безопасно
твоя маска болтаетъ — пестро.

Ex libro amoris

На эмали оснѣженной крыши
слѣдъ оставили лапки кошачьи...
Ты съ холодной улыбкой вышла,
навсегда мою радость пряча.

Промелькнула за садомъ фигура.
Звукъ шаговъ въ заглушенномъ скрипѣньи.
Плавно сумерки вѣяли. Хмуро
каркалъ воронъ больной въ отдаленьи.

Небо, врѣзанное полосами.
Тѣнь бросала на снѣгъ свой вырѣзь.
На стѣнѣ твоя карточка въ рамѣ.
Посмотрѣла. Сказала: «Выбрось!»

И — ушла. Но улыбка больная
съ щекъ печальныхъ—въ душѣ неизмѣнно.
Въ вихряхъ снѣга пѣлъ вѣтеръ, сдувая
съ крыши слѣдъ лапъ кошачьихъ мгно-
венно.

Зимнее.

Какъ огромные лики коралловъ
снѣжныхъ яблонь въ саду хороводъ.
Стрѣлы сѣры рѣсницъ твоихъ. Ало
сognуть лукомъ лукавый твой ротъ.

За синѣющимъ зеркаломъ снѣга
ели гребнемъ бѣлѣють въ рядахъ.
Въ «но» сомнѣнья я жгу свое «ego»,
лишь смѣется хрустящій твой шагъ.

Лиловатое вечера тѣло
закрываетъ зари ржавый щитъ.
Непонятной тебя не хотѣла
сдѣлать чернь моихъ словъ, какъ гранить.

Сходятъ сумерки въ дрожи усталой.
Твой кривится болѣзненно ротъ.
Какъ громадные дивны кораллы
снѣжныхъ яблонь въ саду хороводъ.

Арлекинъ.

Антанасу Римидису.

На елкѣ нашей свѣчи гасли. Въ домъ
хотѣлъ войти сквозь окна смуглый вечеръ.
Рояль тебя окликнулъ бѣлымъ ртомъ.
Отъ клавишъ радость шла къ тебѣ
навстрѣчу.

Въ пятнашки звуки начали игру,
гонимы пальцами твоими, полны вѣры.
Казалось намъ, что нашу душу вдругъ
взнесли на парусахъ — гдѣ звѣздъ безъ
мѣры.

Сидѣлъ подъ елкой мятый арлекинъ.
Онъ вверхъ смотря смѣялся жутко-гнусно.
Мнѣ отъ насмѣшки этой стало грустно:
мечты и вѣра были глубоки!

... Прошли лѣта. Исканья умирали.
Жизнь шла знакомой лентою картинъ.
Но не было любви. Мы, гордые, устали,
и понялъ я, что правъ былъ арлекинъ!

Примиренье.

Какъ на пасты зубной рекламѣ,
твои бѣлы и крѣпки зубы,
чтобы врачъ молоточкомъ ранилъ
ихъ, давая удары грубо.

Какъ бываетъ на кляксъ-папирѣ,
все въ глазахъ твоихъ отразится.
Ты ничто не сразивъ здѣсь въ мѣрѣ,
покорилась его джю-джицу.

«Ища душу, обряцешь тѣло», —
такъ твой другъ тебѣ молвилъ спяна.
Серебро твоихъ глазъ потускнѣло
отъ отравы такой поганой.

Твое тѣло лукомъ желаній,
упругое тѣло стало.
«Проститутка» — тебѣ названье
кто-то далъ и оно не пропало.

Ты въ корчмѣ умерла, гдѣ гавань,
слыша крики и ругань пьяныхъ.
Въ смерти каждый другъ другу равенъ,
примиряющей всѣхъ насъ странно.

Въ душу сквозь твоихъ глазъ овалы,
ужь Последняя входитъ Суббота.
Съ итальянской картины ангелъ
лобъ цѣлуетъ твой кротко.

Буря.

Осени — надъ городами въ полетѣ.
Осень птицей спускается въ садъ.
Что-жъ печалень я или радъ,
что твой образъ въ душѣ не найдете?

Распустились на озерѣ неба
тучь цвѣты въ темно-сѣрыхъ тонахъ.
Чувствъ твоихъ жемчуга — ложь одна —
ихъ въ сознаньи храню гдѣ бы не былъ?

Я несу, (но причины взять гдѣ бы),
мысли встрѣчно закату. — Огнемъ
творчества быть сожженнымъ. Потомъ
быть опепленнымъ въ пѣсняхъ потребуй.

Какъ пѣвуче спускаются вѣтры
съ лба скалы внизъ по кручамъ. О, да,
ужъ душа смятена навсегда.
Я былъ истень въ души своей нѣдрахъ.

Лживъ я былъ, но за правду обильно,
вмѣстѣ съ тѣмъ я душою болѣлъ.
Спины волнъ рядъ тревогъ одолѣлъ,
хвостъ волны бьетъ по берегу сильно.

Дождевыя развернуты ткани,
тучи пасмурно ихъ влачатъ.
Ко всему я навѣкъ опоздалъ!

Въ мрачномъ морѣ рычатъ волны. Въ
брани,
въ дикомъ гнѣвѣ взметаясь рычатъ —
какъ миллионы пурпурныхъ зеркалъ.

Финаль.

1.

Въ глазахъ моихъ оконъ жестокиа осени
боли,
а въ глазъ моихъ окнахъ — жуть,
черная жуть.
Послѣдній я разъ умоляю тебя, — все болѣ
и болѣ:
«Возьми, унеси свою радость, которой
былъ пьянымъ мой путь».

Луна изъ-за крыши оранжевый кажетъ мнѣ
ноготь
руки, что Кому-то Извѣчному принадле-
жить.
Зачѣмъ мы другъ друга обманываемъ во
многомъ?
Зачѣмъ предаемъ и смѣемся? Скажи мнѣ,
скажи!

Въ небѣ проволока телефонная мередиа-
номъ,
деревья лохматыя, зыбкія спятъ на землѣ.

Уйди! Бѣлыхъ рамъ моей ночи не надо въ
обманѣ.

Кругъ горечи пусть замыкаетъ меня
веселѣй!

2.

За стѣною роялы мечтаетъ:
безпокойно волнуетъ Григъ.
Я въ шахматахъ душъ проиграю:
королева, ты въ чашѣ пикъ.

За окномъ позабывшійся вечеръ
лобъ свой золотомъ обрядилъ.
Мнѣ дышать уже больше нечѣмъ...
мысли въ дрожи и мозгъ безъ силъ.

А на небѣ багряные шрамы.
Въ ночи вбивается гвоздь-звѣзда.
Кто-то жуткѣй порвать упрямо
ленту душъ нашихъ не опоздалъ.

3.

Ты пришла и ушла обратно:
перейдешь тобой Рубиконъ!
За всѣ радости мукой плата, —
ея путь перомъ очерченъ.

Съль за окна октябрь уныло.
Съро-мокра его спина.
Образъ твой взять изъ сердца силой.
Ножъ изъ сердца осени — на!

На рябинахъ огни потухли,
звалъ путь меня вверху, въ туманъ.
Ты назадъ не вернешься. Въ рухлядь
чувствъ колье превратилъ обманъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	7
Безъ заглавія.	11
Юхану Лійву.	14
Сѣть воспоминаній.	15
Твоя смерть.	17
Поэтъ	20
Глаза и душа.	22
Осенній путь	23
Безымянный двойникъ.	24
Исповѣдь.	25
Видѣнье.	26
Завѣсы чернаго вѣтра	28
Пѣснь Литвѣ.	30
Людасу Гирѣ.	32
Литовская пѣсня	34
Одной литвинкѣ.	36
Неринга — Литовская Сахара	38
De amoge.	42
Зеркаламъ глазъ.	48
Твои слова.	44

Ты и я.	46
Въ оконномъ переплетѣ.	46
Въ кафѣ.	49
Ex Nro amoris.	51
Зимнее.	52
Арлекинъ.	53
Примиреньс.	54
Буря.	56
Финаль.	58

Стихи, вошедшіе въ данный сборникъ, написаны авторомъ отъ 1932—1937 г. Въ Эстонскомъ изданіи этой книги приведены переводы А. Раннита изъ литовскихъ поэтовъ: П. Вайчюнаса, І. Коссу, А. Мишкиниса, В. С. Гиры, С. Сантвараса, К. Инчюры, Е. Шкляра и А. Сидабрайте. Переводъ на русскій даннаго изданія выполненъ Игоремъ Сьверяниномъ въ одну изъ недѣль апрѣля 1938 г. въ Saarküla, на рѣкѣ Россони, Эстонія.

25 экземпляровъ этой книги отпечатаны на рисовальной бумагѣ *Plapit* и снабжены художницей Каринъ Лутсъ ручными оттисками оригинальныхъ гравюръ.
